

Отзыв официального оппонента на диссертацию Добычиной Анастасии Сергеевны на тему ««Становление Второго Болгарского царства (1185- 1204): власть и ее легитимация» (М., 2016), представленную на соискание степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история (Средние века).

Работа А. Добычиной посвящена важной и много разрабатываемой в последнее время теме потестарной имагологии, то есть символического самообоснования власти. Впрочем, сама диссертантка этого термина ни разу не употребляет.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав и Заключения.

Гигантское место в работе отведено историографическому очерку «Проблематика становления Второго Болгарского царства в историографии». (с. 18-127), представляющему собой в сущности самостоятельную работу, в которой изменения в ракурсе, подходе и выводах исследователей ставятся в широкий политический и эпистемологический контекст. Перед нами проходят многие и многие десятки имен – А.С. Добычина рассматривает концепции ученых, с XVII века по 2013 г., писавших на шести языках. В ее обзоре я не нашел упущений.

Единственное, в чем можно упрекнуть автора – это отсутствие нескольких обобщающих параграфов, в которых подытоживались бы ее наблюдения: например, когда возникла и почему исчезла идея «византийского ига» и, соответственно, «национально-освободительной борьбы», с какого момента ученые начали привлекать археологический материал и к каким изменениям это привело, когда стали анализироваться экономические и религиозные факторы и т.п.

Если структурная уместность первой главы нареканий не вызывает, то про вторую этого не скажешь: в заглавии диссертации фигурирует 1185

г. как год с которого начинается рассмотрение источников, а между тем, в действительности, диссертант начинает очень задолго до этой даты: практически с конца X в. И посвящает этому «предисловию» всю вторую главу: «Болгары и болгарские земли под властью Византийской империи (1018-1185)», стр. с 128 по 161. Для простого предисловия этого чересчур много. Но для самостоятельного рассмотрения «византийского» периода болгарской истории как самостоятельной эпохи, - все равно недостаточно.

Например, для характеристики экономической роли болгар в составе Византии следовало бы привлечь (что делает, к примеру, Джонатан Шепард в работе, не использованной А. Добычиной) свежие данные подводной археологии, свидетельствующие, что болгарские купцы с невероятной быстротой включились в общеимперский торговый оборот. Но это замечание справедливо лишь в том случае, если мы вслед за диссертантом примем, что глава о византийском правлении затрагивает все сферы традиционной истории и не ограничивается проблемами имагологии власти.

Впрочем, даже если мы попытаемся распространить на эту главу тот ракурс рассмотрения, который принят в последующих главах, то и тогда окажется, что А. Добычиной сказано далеко не все, что относится к восприятию власти: необходимо было бы коснуться житий Прохора Пшинского и Иоакима Осоговского, поговорить об антивизантийских восстаниях и т.д.

Это о том, чего НЕ сказано во второй главе. Между тем, ее межеумлчный статус отрицательно сказался и на том, что в ней собственно сказано: многое проговорено как бы второпях, и это не замедлило сказаться на качестве текста. Крайне неудачно выглядит следующий пассаж: в XI веке «в стране фактически устанавливается параллельная система власти, основанная на личных связях и дублирующая административную и судебную системы, на смену

вертикальной мобильности приходит «аристократизация» всех сфер жизни, резко падает авторитет императора, в условиях борьбы за влияние обостряются отношения между провинциальными землевладельцами и столичным чиновничеством. Принципиальные изменения происходят в армии и социально-экономической сфере» (с.141). Здесь все противоречит всему и все повисает в воздухе. Личные связи – это как раз признак чиновничьего всевластия, и оно противоречит аристократизации, автор явно смешивает ситуацию середины XI в. - и комниновский период.

Что-то сформулировано весьма противоречиво: так, на с. 151 сказано: «влахи фигурируют и в грамотах Василия II, что свидетельствует о том, что к этому времени они были уже христианизированы», а на следующей (с. 152) что «даже к концу XII в. (влахи) достаточно слабо христианизированы». Очень солидного обоснования требует тезис, что с «середины XI в. среди грекоязычных ромеев набирает обороты процесс формирования греческого этнического самосознания» (с. 154). На мой взгляд, это не только неверно, но и ставит под сомнение многие другие выводы автора - например, что власти не отнеслись к болгарскому восстанию как к национальному.

Впрочем, ниже А.С. Добычина сама себя опровергает, говоря, что «полиэтническая Византийская империя имела цементирующим началом конфессионально-этактистские, а не национальные принципы».

Дело исправляется, когда А.С. Добычина переходит (лишь на 162 стр.!) непосредственно к заявленной теме. Глава третья называется «Тырновское восстание 1185–1186 гг. и его легитимация» (с. 162-232). Здесь диссертант делает целый ряд ценных наблюдений над источниками, позволяющих лучше реконструировать имагологическую программу Асений.

Впрочем, в этой главе можно было бы также поговорить и о вещах менее, если угодно, символических: ведь шла война, и сама воинская

храбрость и сила были веским аргументом. Так, Асень перед битвой с византийцами указывает в своей речи к войску, что византийский император «никогда не подвергался опасности, не сражался в битвах за ромейское владычество, что я очень хорошо знаю сам, постоянно грабивши и опустошавши неприятельскую землю, получавши победы за победами, трофеи за трофеями - не в награду за труды получил он багряницу и царский венец, но овладел скипетром по игре слепого счастья». (Nicetae Choniatae historia, P. 466).

Это ведь тоже форма легитимации!

Третья глава является самой важной в диссертации, в ней рассматриваются конкретные механизмы создания образа Болгарии как независимого от Византии и находящегося под благословением потусторонних сил государства. Многие догадки А.С. Добычиной представляются мне остроумными и весьма правдоподобными. Она рассматривает культ св. Димитрия в его развитии и пытается реконструировать механику его «присвоения» болгарами после взятия норманнами города, являвшегося до этого центром его культа - Фессалоники. Она приметливо отмечает детали, которые позволяют установить типологическую близость между идеологическими проектами Асений и русского князя Всеволода Большое Гнездо (с. 208).

Сомнения возникают, когда диссертант пишет: «Итак, этот инструмент легитимации власти (царское имя Петр) была нацелен на те слои населения, у которых сохранилась историческая (и в большей степени книжная) память о существовании государства» (с. 215). Сколько могло быть таких людей? Ничтожные доли процента! Достигает ли это пропагандистского эффекта? В ответе на этот вопрос и могла бы помочь исследовательская литература по потестарной имагологии, но к ней диссертант как раз и не обращается. Быть может, власть уговаривала в

собственной легитимности не только и даже не столько народ, сколько самое себя? Но такие вопросы в диссертации вообще не рассматриваются.

На с. 216-232 рассматривается традиционный в науке вопрос, кем были те «бесноватые», которые как бы от имени высших сил призывали болгар к восстанию. Разобрав все существующие гипотезы и отвергнув их, А.С. Добычина предлагает свою собственную версию: по ее мнению, Никита Хониат описал обычную в Византии практику «иконного действия», хорошо известную на примере константинопольской иконы Одигитрии. «Не ставил ли перед собой Хониат задачу намеренной «демонизации» дерзких «варваров», в том числе помогавшего им клира, монашества или братства, осмелившихся использовать византийский религиозно-политический «инструментарий» в антивизантийских целях — против императора Исаака II Ангела?» (с. 232).

Итак, диссертанту приходится все же объявить часть рассказа Хониата вымышленной - ведь люди, впадавшие в транс от вращения волчком с иконой на плечах, никак не могли произносить длинных политических речей. Если мы вслед за А.С. Добычиной решим, что рассказ Хониата дозволительно признать частично вымышленным, то почему нужно считать таковым одну, а не другую его часть? Во всяком случае, рецензируемая работа представляет собой новый этап в распутывании загадки с болгарскими пророками.

Глава четвертая «Второе Болгарское царство между Византией, Венгрией, крестоносцами и папской курией» (с. 233-254) посвящена поискам Вторым Болгарским царством новой легитимности в 1186—1204 гг. В ней последовательно рассмотрены все линии, по которым правители новообразованного государства старались укрепить свой авторитет. Здесь, пожалуй, у диссертанта меньше оригинальных находок, чем в Третьей главе, да и объем ее несопоставимо меньше. И тем не менее, безусловно, ей принадлежит заслуга кропотливого собирания всех намеков на попытки

легитимации. Удивление вызывает следующий ее тезис (с. 241) «особую ценность в их глазах должны были представлять «высокие шапки», или т.н. пирамидальные короны — реплики Тернового Венца Христа, символизирующие богоизбранность правителя, призванного быть образом Спасителя на земле». Высокие шапки, хорошо заметные на императорских портретах, были формой эволюции императорского венца в «ориентальном» направлении, но не имел ровно ничего общего с венком (таковым была ранневизантийская императорская диадема) и уж заведомо непохож на терновый Венец. Почему-то А.С. Добычина именуется императорские знамена, захваченные в сражении и пронесившиеся болгарами в триумфе, «царскими знаками» (с. 242). Не выглядит убедительным и такое утверждение диссертанта: «присутствие термина «влахи» в титулатуре Калояна связано с его желанием обладать, хоть и фиктивным, историческим аргументом в своей дипломатии с папским престолом» (с. 251). Это рассуждение исходит, видимо, из того, что влахи были романоговорящим племенем, и это должно было растопить сердце римского папы. Однако вряд ли говор влахов имел для пап хоть какое-нибудь значение. Все-таки более простой аргумент всегда предпочтительнее более сложного - почему надо сомневаться в реальной важности влахов в Болгарском царстве? Ведь еще Петра, до всяких заигрываний с Римом, именовали попросту *Calopetrus Blachorum dominus* (Латински извори за българска история. Т.3. София, 1965. С. 290).

К сожалению, сделав вступление к своему исследованию таким обширным, А.С. Добычина довольно резко обрывает его конец. На мой взгляд, многие источники, созданные после 1204 г., проливают свет на более раннее состояние: например, в тырновском храме Сорока Мучеников стояли две колонны, одна с именем Крума, вторая - Омуртага. По мнению некоторых историков, это предполагает, как ни странно, преемственность по отношению к древней протоболгарской!

Представляется, что, говоря о легитимации власти болгарских царей, стоило бы уделить больше внимания анализу того поразительного факта, что много лет спустя после восстановления независимости, после многих и жестоких войн с византийцами и большого взаимного ожесточения, в болгарских церквах по-прежнему пели вечную память византийским императорам, некогда господствовавшим над Болгарией (Борилов Синодик. 2010. С.147-148). Подражание византийскому образцу причудливо отражено и в наименовании титулов и должностей Второго Царства. Все это - более поздние факты, но их корни наверняка восходят к тому периоду, за который диссертант берется нести ответственность.

Следует учитывать, что автор данного отзыва длительное время работал как раз по той проблематике, которая составляет ядро диссертации, и столь малое количество претензий само по себе говорит о высоком качестве работы. Несомненным достоинством диссертации является не только ряд свежих и неожиданных исследовательских решений, но сведение воедино громадной источниковой базы по заявленной теме, а также мастерское владение гигантской историографией, к полноте которой нет никаких претензий.

Диссертация и автореферат А.С. Добычиной оформлены в соответствии с правилами, установленными ВАК при Минобрнауки России. Автореферат отражает основные положения и выводы диссертации и позволяет составить полное представление о проведенном исследовании.

В целом, диссертационное исследование А.С. Добычиной полностью соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. №842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 30.07.2014 г. №723), а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности

07.00.03 – Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент

доктор исторических наук

профессор Школы филологии

факультета гуманитарных наук

ФГАОУ ВО «Национальный

исследовательский университет

«Высшая школа экономики»»

Иванов Сергей Аркадьевич

Подпись заверяю

17.10.2016

специальный профессор
20 Баранов Давид

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, дом.20

Телефон: + 7 495 771-32-32; + 7 495 531-00-31

Факс: + 7 495 628-79-31

E-mail: hse@hse.ru

Официальный веб-сайт: <https://www.hse.ru/>